

УДК: 378.011.32”731”

Е. В. Астахова

СОВРЕМЕННЫЙ СТУДЕНТ: РИСКИ АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Резюме

Сучасна освіта, в усякому разі, у ведучих розвинених країнах, перейшла на освітню модель, так звану Life long education. Її прогресивність і своєчасність визнають у всьому світі. Проте існує комплекс труднощів, протиріч, складних інституційних конструкцій, які заважають її впровадженню і ефективному розвитку. Статтю присвячено одному з таких протиріч – поколінським рисам сучасного студентства, які гальмують процес підвищення якості вищої освіти, реалізації моделі LLL.

Summary

Modern education, at any rate, in developed countries, has gone over to a model termed life-long learning. Its progressive and timely character has been appreciated all over the world. Nevertheless, there are a whole lot of all kind of difficulties, contradictions, complex institutional structures that hinder its introduction and effective development. The article deals with one of them: a new generation character of modern students that hampers higher education quality improvement and the LLL model implementation.

Ключевые слова: студент, непрерывное образование, поколенческие характеристики.

Тенденции современного развития последних десятилетий продемонстрировали возрастающую зависимость общества от качества и уровня образования населения. В литературе все чаще встречаются определения и трактовки «человеческий капитал», «человеческий потенциал» и т. д. Практически общей точкой соприкосновения, где-то даже набившей оскомину, стали высказывания о том, что в цивилизационных процессах современности главную роль играет не черное золото, а серое вещество. Стоимостное выражение интеллекта, рост ВВП на основе роста образованности общества и другие экономические параметры образования

привлекают специалистов все больше и больше. При этом палитра исследований различных аспектов образования расширяется поистине в геометрической прогрессии.

Исследовательский интерес во многом подогревается растущим недовольством общества современным состоянием образования. При этом важно отметить, что недовольство общества образованием было всегда. Под этой закономерностью есть свои причины. Другое дело, наступают периоды, когда такое недовольство достигает апогея. Как правило, такие обострения и приводят к реформам.

Иными словами, постоянно растущее внимание к вопросам развития образования абсолютно закономерно. Особенно в начале XXI века, когда мир в одночасье стал иным. Иным, по всем параметрам и составляющим, стало и образование. Изменились цели, методы, средства, ресурсы, традиционные представления, субъекты образовательного процесса.

Высшая школа всегда имела ощутимое влияние на состояние и развитие общества. Но сегодня, когда счет «участников» этого процесса исчисляется десятками и сотнями миллионов человек, влияние системы возросло многократно. Поэтому, представляется, крайне важным, отслеживать, анализировать состояние каждого субъекта, функционирующего в рамках высшего образования, знать степень и формы их взаимодействия, наличие явных и скрытых противоречий.

В поле изучения субъектности высшего образования в мире в целом и на бывшем постсоветском пространстве в частности, работает большое число специалистов разных направлений и отраслей. Обращает на себя внимание некоторое притормаживание в области изучения такого важнейшего субъекта как студенчество. Скорее даже не притормаживание, а некоторое сужение аспектности изучения. Как правило, в центре внимания ученых остаются, при незначительном приращении, вопросы социального происхождения, карьерного и профессионального роста, политических предпочтений студенчества. Более глубинные процессы, связанные с трансформацией ценностных, поведенческих, половозрастных характеристик, анализируются значительно реже. Хотя, безусловно, есть этапные

исследования, яркие публикации своеобразного «прорывного» уровня, раздвигающие горизонты и рамки изучения студенческого контингента.

Из представляющего безусловный интерес, того, что нельзя пропустить, ибо публикации обогащают изучаемое направление, конечно, работы этапно-парадоксального Л. Любимова [1], глубоко аналитичных В. Байденко и Н. Селезневой [2], ученых НИУ ВШЭ (Москва) Я. Кузьминова и И. Фрумина [3], представителей Лиссабонской группы П. Эдерера и Ф. Шуллера [4], автора нового определения современного молодого поколения как «поколение пехт» Марка Л. Тейлора [5] и ряда др.

Интерес, в контексте данной темы, представляют ежегодные международные теоретико-методологические конференции, проводимые социологическим факультетом Российского государственного гуманитарного университета, посвященные различным аспектам развития интеллигенции. В первую очередь, научный форум 2012 г. – «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное [6].

В этом же ряду можно рассматривать монографию «Студент XXI века: социальный портрет на фоне общественных трансформаций», изданную по результатам многолетнего международного конкретно-социологического исследования группой специалистов Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» под руководством известного ученого, проф. В. Астаховой [7].

Анализируя современное состояние разработанности проблемы, конечно же, трудно объять необъятное. Но названные авторы и публикации позволяют, что называется, «быть в теме», знакомиться с тончайшими нюансами изменений в системе высшего образования в целом и – особенно – в состоянии студенчества, как важнейшей его составляющей.

Студенческий корпус, как уже отмечалось, претерпел за последние десятилетия весьма заметные изменения, как по количественным параметрам, так и по содержательным. Резко расширилась география получения высшего образования: традиционные страны-лидеры, имеющие наибольшее количество студентов и привлекающие львиную долю студентов международных, ощутимо уступили свои

позиции, допустив на мировой рынок образовательных услуг Австралию, Канаду, Сингапур, Финляндию и др.

Один только перечень новых тенденций и характерных черт, присущих студенчеству XXI века, занял бы добрый десяток страниц. В рамках одной статьи их представить невозможно, тем более – проанализировать. Поэтому в центре внимания – ряд тенденций, характерных для современного поколения студентов, которые, как представляется, сдерживают полноценное включение обучающихся в модель *life long education*, являются препятствиями для ее динамичного развития и восприятия системой образования в целом.

Сразу хотелось бы оговориться: во-первых, речь не пойдет о хороших или плохих чертах целого поколения. В фокусе – ряд тревожных тенденций, негативно сказывающихся на включенности студентов поколения *next* в систему непрерывного образования. И, во-вторых, статья представляет скорее своеобразный набросок темы, материалы для постановки проблемы и, возможно, дальнейшего ее анализа.

Обобщение относительно целого поколения – занятие, по меньшей мере, рискованное. Но опираясь на известную концепцию модальной личности, представляется возможным описать основные личностные тенденции определенной социальной группы.

Ни для кого не является секретом тот факт, что сегодняшние студенты – порождение постоянно меняющихся социальных условий. При этом нельзя не учитывать: высшее образование основано на ценностях предыдущего времени и, соответственно, отсюда «разрывы» и «провисания» – во многом – результатов деятельности института высшего образования. В прежние периоды межпоколенческие конфликты носили менее заостренный характер, так как были основаны, в своем большинстве, на морально-нравственных и поведенческих аспектах. Сегодня же к этим традиционным причинам прибавились другие, порожденные глобализационными и информационными процессами.

О каких конкретных чертах поколения *next*, сдерживающих полноценное развитие образовательной модели *life long education*, можно сегодня говорить?

Во-первых, это потребительское отношение к жизни. Именно

потребительство и свобода личного выбора приобрели весомое значение в период после Второй мировой войны. Эти процессы, в силу определенных причин, в разных же странах протекали по-разному и становились преобладающими на разных временных отрезках. Но так или иначе, к концу XX – началу XXI в. эта тенденция возобладала. В литературе отмечается, что религиозные и традиционные представления и ценности более ранних периодов, продолжают сосуществовать с веяниями постмодерна, но влияние потребительства, тем не менее, ощутимо и неуклонно возрастает. Все это привело к укоренению в студенческой среде ярко выраженных потребительских установок типа: «Я заплатил за обучение – теперь предоставьте мне знания».

Во-вторых, четко выраженная ориентация на развлечения (обучение должно быть легким и привлекательным. Хорошие оценки при минимуме усилий). Современный студент, в результате ценностных ориентаций, навязываемых обществом, абсолютно убежден, что процесс образования должен протекать увлекательно и доставлять удовольствие. Возникает серьезное противоречие: при постоянно усложняющейся жизни молодые люди настроены на облегченный (и упрощенный) подход к получению образования. Подобные установки плохо сочетаются с кропотливой и интеллектуально направленной деятельностью, которая реально необходима для обретения качественных знаний.

Более того, большинству преподавателей, воспитанных на подходах и научных методах предыдущего периода, с большим трудом удается заинтересовать изучением конкретного предмета студентов эпохи постмодерна. Здесь, во многом, кроются причины завышения отметок и снижения требовательности.

Еще одна характерная черта – торг. Склонность торговаться – заметный аспект потребительского отношения к образованию. Если в мире нет абсолютных ценностей, то значит все может подлежать торгу.

Вымывание ценностей как таковых и переход к определению цены всякого действия, события, явления приводят к тому, что предметом элементарной торговли становится выбор вуза, пакет льгот и субсидий, формы обучения, отметки, финансовая сторона учебы и пр.

Модель «выторговывания» серьезно выхолащивает и упрощает процесс образования, но она сегодня прочно вошла в систему университетского сектора образования.

Неверие в традиционные ценности и несдержанность желаний, ставшие уже классическими черты поколения, также существенно снижают эффективность образовательного процесса, мировоззренческую готовность к принятию модели непрерывного образования. Настроенность на немедленное получение результата, на удовольствие от процесса обучения порождает очередной парадокс. Образование, по сути своей, предполагает отсроченный результат, который не сразу можно ощутить, почувствовать. Настроенность же на результат «здесь и сейчас» не только дезориентирует самого студента, но и посылает неверные сигналы обществу, рассматривающему образование с узко прагматических позиций, предъявляющих к нему упрощенно-утилитарные требования. В ответ – соответствующая реакция конкретного преподавателя, университета, вузовской среды в целом. В краткосрочной перспективе пагубность таких подходов может быть не видна. В долгосрочной же, с точки зрения развития личности, человеческого капитала, общества в целом, она очевидна.

Приспособляемость и прагматизм современного студента поистине уникальны. Эти характерные черты, как, впрочем, и ранее названные, тесно связаны между собой. Научившись подстраиваться под различные требования (порой прямо противоположные) школы, семьи, приняв за норму постулаты, исповедуемые СМИ, познакомившись с разными стилями жизни и поведения, студент, в своей массе, превосходно адаптируется к самым разнообразным обстоятельствам и условиям. Более того, не будучи стесненными никакой традиционной идеологией – усвоенной или разделяемой только внешне, – представители этой генерации более трезво и прагматично подходит к жизненным проблемам и применяют для их решения любые подходящие средства.

Этой поколенческой характеристикой во многом объясняется студенческое мошенничество, получившее развитие – в разной степени – во многих образовательных системах мира и, увы, в первую очередь, в Украине и России. Успокаивает, конечно, тот факт, что

эта проблема не только отечественная. Но то, что она приобрела в Украине характер явления – это однозначно.

В числе других поколенческих черт, присущих современному студенчеству, следует так же назвать:

– высокую самооценку. Уверенность в своей неповторимости и уникальности, в том, что они олицетворяют надежды родителей и страны. Взлелеянность именно таких качеств, во многом, приводит к настоящим потрясениям при столкновениях с реальными требованиями и трудностями учебы в вузе;

– цинизм. Беспрецедентно низкий уровень доверия к институтам власти, политикам, СМИ, религии приводит к формированию подходов, исключающих, априори, доверие к образованию: почему нужно верить институту образования, если все другие институции доверия не вызывают;

– стресс. Постоянное чувство неудовлетворенности, тревоги, высокое напряжение, связанное с учебой, отсутствие безопасности, большой объем других проблем приводят к возникновению чувства безысходности. Возникает своеобразный эффект резиньяции (от лат. «уничтожение». Полная покорность судьбе, отказ от жизненной активности). Иными словами – мир сложен и суров. Всего в образовании не усвоить. А значит, лучше уповать на судьбу или случай. Но нельзя забывать, что инфантильность никак не способствует качественной и успешной учебе, тем более, построенной на принципах *life long education*;

– вмешательство родителей в образовательные практики. Сегодня уже не всегда понятно, на кого работает система образования, на студента или на его родителей. Излишняя опека и затянувшееся «сопровождение» студента в процессе получения высшего образования не только тормозят процессы социализации, но и ощутимо способствуют сохранению того же инфантилизма. В результате – отсутствие ответственности, неумение распорядится личной свободой, трудности при командной работе и пр.

Названы лишь некоторые, возможно, не бесспорные, поколенческие черты современного студенчества, которые способны оказывать негативное влияние на качество и эффективность

образовательного процесса в высшей школе. Перечень можно было бы продолжить. Но главное, представляется, не в констатации негатива, а в поиске средств, за счет которых складывающуюся ситуацию можно смягчить, привести ее в большее соответствие с потребностями времени. Очень важно формировать у студентов поколения next (а, возможно, и на более ранних стадиях процесса обучения) представление о том, что в новых социальных условиях качественное образование составляет ядро качественной жизни и карьеры. Происходит явная индивидуализация образовательных траекторий: большую часть запросов на образование формирует уже не государство и преподаватель, а самостоятельный человек сам для себя. С этим связан ряд фундаментальных последствий, но это уже предмет другого разговора.

Человек в новых образовательных моделях сам режиссирует свою образовательную траекторию, во всяком случае, на вузовской скамье и далее. Конечно, человека к выполнению этой функции необходимо подготовить. И здесь велика роль государства, общества, вуза, преподавательского корпуса. Но – главное – самого обучаемого.

Задачи, безусловно, архисложные. Но трудность задач не означает, что их не нужно решать вообще.

Список литературы

1. Любимов Л. Что мешает нашей стране улучшить качество школьного образования / Л. Любимов // Высшее образование. – 2011. – № 4. – С. 11–26; Угасание образовательного этоса // Там же. – 2009. – № 1. – С. 199–210.
2. Байденко В. Конкурентоспособные образовательные программы: к формированию концепции / В. Байденко, Н. Селезнева // Высш. образование в России. – 2011. – № 5. – С. 24–39; Байденко В. И. Некоторые тенденции развития системы высшего образования в странах СНГ / В. И. Байденко // Там же. – 2010. – № 5. – С. 46–58.
3. Кузьминов Я. Российская школа: альтернатива модернизации сверху / Я. Кузьминов, И. Фрумин, А. Захаров // Вопр. образования. – 2011. – № 3. – С. 5–53; Российское образование – 2020: модель образования для инновационной экономики / А. Волков, Я. Кузьминов, И. Реморенко и др. // Там же. – 2008. – № 1. – С. 32–65; Кузьминов Я. Поддерживать или инвестировать? Образовательные программы в рамках антикризисных мер / Я. Кузьминов //

Там же. – 2009. – № 1. – С. 5–18; Кузьминов Я. Вероятное воздействие экономического кризиса на систему образования и качество человеческих ресурсов / Я. Кузьминов // Там же. – 2009. – № 2. – С. 172–186; Кузьминов Я. Наши университеты / Я. Кузьминов // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 10. – С. 9–15.

4. Эдерер П. Ранжирование системы высшего образования: граждане и общество в эру знаний / П. Эдерер, Ф. Шуллер // Высшее образование. – 2009. – № 3. – С. 171–202.

5. Тейлор М. Поколение next: студент эпохи постмодерна [Электронный ресурс] / Марк Тейлор // Оптимальные коммуникации. – 2009. – 26 янв. – Режим доступа: <http://jarki.ru/wpress/2009/01/26/113/>.

6. Материалы XIII международной теоретико-методологической конференции «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное : сб. науч. тр. / Рос. гос. гуманитар.ун-т. – М., 2012. – 474 с.

7. Студент XXI века: социальный портрет на фоне общественных трансформаций : моногр. / под общ. ред. В. И. Астаховой ; Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2010. – 405 с.